

Ю.И. Родченко

**ОСОБЕННОСТИ КРИТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ
ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТОМСКОЙ ПЕРИОДИКЕ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.
(НА МАТЕРИАЛЕ «СИБИРСКОГО ВЕСТНИКА»
И «СИБИРСКОЙ ЖИЗНИ»)**

Исследуется критическое восприятие французской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX в., выраженное в переводных и оригинальных публикациях местных журналистов. Ведущими жанрами литературной критики, способствующими популяризации французской литературы среди томской аудитории, становятся обзоры и рецензии. В целом появление теоретически значимых публикаций на страницах местных газет свидетельствует о высоких темпах развития томской литературно-критической мысли.

Ключевые слова: томская периодика, критическая рецепция, обзор, рецензия, «fin de siècle», символизм, декаданс.

Система критических жанров в томских газетах складывалась под влиянием общих тенденций развития критики конца XIX – начала XX в. В то же время у томской газетной периодики имелась своя специфика, обусловленная периферийностью литературного процесса и задачами, стоявшими перед местной журналистикой. Одной из целей томских периодических изданий являлось не только оперативное реагирование на текущие события, но и целостное осмысление мировой литературной и общественной жизни.

Французская литература, представляющая синтез новых сложных философских и эстетических тенденций (декаданс, символизм, импрессионизм, натурализм), побуждала местных критиков и журналистов к их активному обсуждению и анализу. Всего на страницах томской периодики была обнаружена 61 критическая статья: 48 в «Сибирском вестнике» и 13 в «Сибирской жизни». Количество оригинальных публикаций превышало количество материалов, перепечатанных из центральной прессы. 37 публикаций принадлежали перу томских критиков, остальные 24 были заимствованы ими из других периодических изданий.

Рецепция французской литературы в томской периодике нашла отражение в самых разных жанрах и рубриках. Ведущим жанром литературной критики, наиболее активно способствовавшим популяризации западноевропейской литературы среди местной аудитории, стало обозрение. Оперативность, систематичность и ориентированность на широкие читательские круги делали обозрения удобным инструментом воспитания мыслящего читателя, развития его вкуса и формирования привычки к регулярному чтению. Обозрения французской литературы, представленные в томской периодике, можно разделить на три основных типа: информационные, предметно-тематические и фельетонные. Еще одним популярным жанром в томских газетах были рецензии, так же как и обозрения, хорошо приспособленные для оперативного анализа и оценки литературных явлений.

Стремясь ввести томского читателя в широкий круг общекультурных проблем, дать почувствовать собственную «равноценность» со столичным читателем, томская периодика активно откликается на события западноевропейской, и в частности французской, литературной жизни.

Первая статья о французской литературе появляется на страницах февральского номера «Сибирского вестника» за 1888 г. в рубрике «Фельетон» [1. С. 2]. Томский рецензент, скрывший свое имя под псевдонимом «Фауст», знакомит читателей с содержанием первых двух книжек (за январь и февраль 1888 г.) нового столичного историко-литературного журнала «Пантеон литературы». Кратко описав опубликованные там статьи, «Фауст» решает подробно остановиться на еще не появившемся в отдельной продаже сочинении молодого французского критика и романиста П. Бурже «Очерки современной психологии» («Essais de psychologie contemporaine», 1883), в котором автор представляет психологические характеристики Ш. Бодлера, Э. Ренана, И. Тэна, Стендаля и И.С. Тургенева.

«Фауст» отмечает, что в своих очерках П. Бурже пытается объяснить причину пессимизма современных литераторов: «По поводу Ренана и бр. Гонкур автор указал зародыш меланхолии, облеченной в дилетантизм; по поводу Стендаля, Тургенева – отметил некоторые пагубные последствия космополитической жизни и т.д.» [1. С. 2].

Рецензент указывает также на то, что сочинение П. Бурже предвзывает статья знаменитого французского критика Ж. Леметра, в которой тот утверждает, что ум П. Бурже в независимости от того, «любим мы его или нет <...> является одною из самых богатых и самых выдаю-

щихся составных сил литературного и нравственного развития второй половины нашего века» [1. С. 2].

Заканчивая свою статью, «Фауст» с сожалением говорит о том, что сибирскому читателю, заинтересовавшемуся новым журналом, вряд ли удастся познакомиться с ним поближе, поскольку в городской библиотеке вместо отсутствующего там «Пантеона литературы» ему предложат пользующиеся популярностью художественно-юмористические журналы с карикатурами «Шут» или «Стрекоза».

Обращение «Пантеона литературы», а вслед за ним и «Сибирского вестника», к очеркам П. Бурже не является случайным. В конце XIX в. этот французский писатель приобретает известность в Европе как тонкий психолог, исследующий различные состояния человеческой души. Так, в журнале «Русское богатство» за 1904 г. отмечается, что в своих психологических этюдах П. Бурже-критик занимается «анализом форм чувствования писателей и отражения в литературе «моральной» жизни Франции во второй половине XIX в.» [2. С. 115].

В то же время основной заслугой П. Бурже-романиста признается возрождение во Франции жанра любовно-психологического романа. По словам корреспондента «Русского вестника» (1895), писатель «обратил внимание на состояние души и анализ совести изображаемых в романе лиц», чем, по его мнению, «явно и намеренно пренебрегали многие из французских романистов» [3. С. 254]. О широкой популярности П. Бурже свидетельствует также и перевод трех его новелл, сделанный специально для «Сибирского вестника».

В ноябре 1888 г. томский «Фауст» знакомит читателей с сентябрьской книжкой еще одного столичного журнала «Северный вестник» [4. С. 1]. Опираясь на опубликованные в нем материалы, критик предлагает рассмотреть вызывавший живой интерес всех мыслящих людей той эпохи вопрос о смысле бытия. Желая показать, какое решение метафизического вопроса нашли во Франции (в «горниле цивилизации», по словам журналиста), «Фауст» вновь обращается к цитированию «Очерков по современной психологии» П. Бурже: «Мы живем в эпоху метафизического разрушения, когда всякого рода обломки учений покрывают землю; у нас (в Европе) не только нет той общей веры, какая была у людей XVII века, которая направляла все совести, руководила всеми действиями, но мы даже утратили способность к отрицанию веры» [4. С. 1]. Согласно П. Бурже люди уверовали в то, что истина кроется в противоречивых гипотезах о природе Вселенной и человека. Однако

вместе с тем он считал, что наука не может дать полного удовлетворения нашему сердцу, разьедаемому духом анализа.

По утверждению Ж. Леметра, размышляя над человеческой судьбой, П. Бурже находил ее непостижимой, поскольку не обладал для своего успокоения «ни христианской верой, ни наивным упованием на прогресс» [5. С. 50]. Только два десятилетия спустя мировоззрение П. Бурже окончательно изменится в сторону всецелого принятия позиций католицизма, пока же в «Очерках современной психологии» он предстает перед читателем как исследователь тревог и исканий человека переломной эпохи «fin de siècle».

Возможно, именно поэтому томский «Фауст», как и любой мыслящий человек не чуждый размышлений о сущности бытия, рекомендует обратиться к очеркам П. Бурже тем, кто стремится найти ответы на метафизические вопросы или желает лучше понять значение многих современных общественных явлений. Сочинение писателя критик характеризует как «хорошую книгу», полную «глубоких и примиряющих мыслей, высказанных языком вполне понятным» [4. С. 1].

Следующая заметка о французской литературе, опубликованная в июльском номере «Сибирского вестника» за 1891 г., представляет собой перепечатку из майской книжки «Вестника Европы» с небольшими пояснениями томского критика Всеволода Алексеевича Долгорукова, скрывшегося за одним из своих псевдонимов «Всеволод Сибский» [6. С. 3].

Потомок княжеского рода, В.А. Долгоруков был лишен титула и сослан в Сибирь по делу о подлоге. В Томске он принимал деятельное участие в литературном отделе «Сибирского вестника», всегда проявляя глубокий интерес к театральному делу, а с конца 80-х гг. XIX в. возобновил сотрудничество в столичной периодике, в том числе в таких газетах, как «Суфлер», «Театральный мирок», а также в журнале «Артист». В 1899 г. на даче в с. Заварзино он даже открыл собственный летний театр [7. С. 421–425]. Своей журналистской и общественной деятельностью В.А. Долгоруков способствовал включению Сибири в общеевропейский культурный процесс.

В.А. Долгоруков представляет томским читателям небольшую выдержку из статьи известного русского писателя и публициста К.К. Арсеньева о новом сочинении Э. Ренана под названием «История народа израильского» («Histoire du peuple d'Israël», 1887–1893): «Тогдашние израильские мыслители были первыми изобличителями мирской неправды <...> Они шли вразрез с интересами своего маленького народа,

но способствовали, зато, основанию великого религиозного здания, послужившего приютом для человеческого рода» [6. С. 3].

В статье не содержится никаких сведений об авторе и о направлении его творчества, поэтому создается впечатление, что статья К.К. Арсеньева предназначается для читателя, достаточно близко знакомого с сочинениями Э. Ренана, применившего идеи позитивизма к религии. Действительно, ко времени появления в России «Истории израильского народа» многие сочинения Э. Ренана уже были переведены на русский язык и опубликованы в центральных российских журналах или изданы в виде отдельных брошюр. Однако не каждый томский читатель был знаком с личностью и творчеством французского автора, поэтому рецензия В.А. Долгорукова на новую книгу Э. Ренана была понятна и интересна лишь небольшой части томской аудитории.

Еще одна статья о Э. Ренане появилась в «Сибирском вестнике» в январе 1893 г., спустя три месяца после смерти философа. Она была заимствована из ноябрьского номера «Вестника Европы» за 1892 г. томским критиком, подписавшимся криптонимом «И.Д.» [8. С. 2]. Местный рецензент решает познакомить сибирских читателей с личностью и взглядами Э. Ренана, поскольку, по его мнению, он является «крупной фигурой» XIX в. В библиографической заметке дается характеристика жизненной позиции Э. Ренана: основным смыслом его жизни было стремление к истине, высшему умственному и нравственному совершенству; вера философа-позитивиста в науку и прогресс была для него неизменным источником вдохновения на протяжении всей жизни. Э. Ренан был мягок и добр по отношению к людям, не гнался за успехом, а старость оказалась для него временем «нравственного довольства».

Много внимания в статье уделяется и уникальному авторскому стилю, благодаря которому Э. Ренан смог популяризировать философские идеи и беллетризовать свои сочинения на религиозные темы: «Истинная слава Ренана, главная заслуга его в мастерстве французских стиля и языка и примеси художественного идеализма, которую он внес в серьезные вопросы знания» [8. С. 2]. Эти слова относились к манере Э. Ренана художественно воспроизводить прошлое при помощи добавления разнообразных субъективных и произвольных характеристик, которые превращали сухие исторические факты в захватывающее повествование. Так, описывая историю возникновения христианства, Э. Ренан пытался нарисовать живую картину происхо-

дящего как художник, а не критик или исследователь прошлого. Именно поэтому сочинения писателя на столь серьезные темы имели огромную популярность.

Очередная статья о французской литературе, опубликованная в «Сибирском вестнике» в 1893 г., была напечатана анонимно и не содержала в себе указания на перепечатку из столичных газет или журналов. Это содержательное и солидное обозрение размещалось в рубрике «Фельетон» под заголовком «Новые веяния» и включало несколько разделов, посвященных характеристике уже «отжившего свой век» натурализма, а также новых направлений во французской литературе [9. С. 2].

Первый из разделов обозрения под названием «Отходная натурализму» повествует о «смерти» школы, которая явилась «законным порождением» материализма и позитивизма. По словам томского критика, братья Гонкур, А. Доде и даже сам Э. Золя признали, что время господства натурализма подошло к концу. В следующем разделе, озаглавленном «Характеристика декадентства», автор сообщает о том, что в литературной сфере постепенно добивается господства группа писателей «с кличкой» декадентов. По словам критика, декадентство является ответом на крайности «плоского и грубого» натурализма. В своем желании уйти от действительности декаденты напоминают романтиков, но отличаются от них тем, что хотят как можно точнее понять и проанализировать не мысли и чувства людей, а настроение окружающего мира: «Декаденты пытаются уловить все оттенки нервной жизни. Для них звуки видимы, краски поют, голоса пахнут» [9. С. 2].

Среди других характерных черт этого направления автор называет искусственность в изображении действительности, удаление от природы, лихорадочное стремление к мистическому, безграничному и чудовищному. К главным представителям декаданса критик вполне справедливо относит французских поэтов С. Малларме, П. Верлена, А. Рембо и Ж. Мореаса, а также прозаиков Ж.-К. Гюисманса, Ж. Пелладана и Г. де Мопассана. Названные имена действительно репрезентируют символизм в поэзии и прозе, который традиционно относится к декадансу, хотя некоторые из названных художников (например, Г. де Мопассан) шире и разнообразнее как по мироконцепции, так и по эстетическим ориентирам и поэтическим приемам.

В обозрении говорится и о том, какое влияние оказала книга французского дипломата, историка и критика литературы Э.М. де Во-

гюз «Русский роман» («Le roman russe», 1886) на его соотечественников. Под влиянием этого произведения появилась целая группа представителей нового направления: «На место формулы натурализма воспроизводить «куски, вырванные из жизни» становится формула реального искусства в истинном смысле этого слова – изображать не то, что есть, а то, что должно быть, не факты и явления, а дух, смысл, правду жизни» [9. С. 2].

То есть писатель берет на себя роль «властителя дум», миссия которого заключается в том, чтобы вести человека к нравственным идеалам. Именно эти принципы поразили Э.М. де Вогюз в романах таких русских писателей, как И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский; принципы их искусства и легли, по его мнению, в основу нового направления в литературе, среди представителей которого были названы П. Бурже, а также писавший на французском языке швейцарский автор Э. Род. Обзорение завершалось утверждением, что эпоха «fin de siècle» характеризуется не только «нервно-духовной дряблостью, общей деморализацией, чудовищными извращениями культуры», но и явлениями положительными, связанными с серьезным, многообещающим будущим.

Еще одно обозрение о новых направлениях во французской литературе конца XIX в., опубликованное в «Сибирском вестнике» за 1893 г., является перепечаткой статьи известного литературного критика Н.К. Михайловского, заимствованной из январского номера московского журнала «Русская мысль» [10. С. 1]. Корреспондент «Русской мысли», опираясь на труды итальянского врача-психиатра Ч. Ломброзо и его ученика, врача и писателя М. Нордау, попытался выявить симптомы нравственного вырождения среди французских писателей, принадлежавших к новым литературным школам. Н.К. Михайловский апеллирует к имени Ч. Ломброзо из-за популярности его врачебной теории о существовании некоей параллели между гениальностью и ненормальностью, подробно описанной им в книге «Гениальность и помешательство» («Genio e follia», 1863). Это сочинение было переведено на русский язык в 1885 г. и сразу привлекло внимание читательской аудитории, поскольку в нем в популярной форме объяснялись причины психической болезни многих гениальных художников. Естественно, что журналисты ухватились за данную теорию, пытаясь понять явления, происходившие в европейской культуре на рубеже XIX–XX вв.

Н.К. Михайловский черпает также сведения в книге М. Нордау «Вырождение» («Entartung», 1892), в которой автор подвергает резкой

критике «дегенеративное искусство» эпохи «fin de siècle» на примере творчества ведущих европейских писателей и мыслителей. Вслед за М. Нордау корреспондент «Русской мысли» выбирает три литературных течения, которые подвергаются наибольшей критике.

Сначала Н.К. Михайловский представляет на суд читателей негативный отзыв о школе символизма и ее главных представителей в лице П. Верлена, М. Метерлинка, Ж. Мореаса и Ш. Бодлера. Вот как он описывает поэзию Верлена: «Не найдется, кажется, в сфере половой жизни такой извращенности, которую он не решился бы воспеть рядом с горячей исповедью убежденного католика и благочестиво покаянными воплями» [10. С. 1]. Пытаясь доказать читателям, насколько бессвязным является творчество символистов, Н.К. Михайловский приводит перевод отрывка из стихотворения М. Метерлинка из сборника стихов «Теплицы» («Les Serres chaudes», 1889). Критикуется также и школа мистицизма, в частности личность Ж. Пеладана, объявившего себя магом, духовным преемником тамплиеров и розенкрейцеров, а также хранителем чаши Грааля. Стиль же декадентов Н.К. Михайловский называет «манерно вычурным и вымученным».

Отрицательная характеристика символистской поэтики находит прямое обоснование в идеологии либерального народничества. Как приверженец и один из главных теоретиков этого общественно-политического движения, Н.К. Михайловский считал декаданс привозным растением с Запада, не имеющим корней в русской действительности, а возникновение символизма связывал с безвкусицей и тщеславием французских поэтов, желающих приобрести всемирную славу. Негативное отношение критика к новым литературным течениям нашло отражение в целом ряде статей о французском символизме и его «русском отражении» [11. С. 512–520], в которых он упрекал новоявленных поэтов в тяготении к мистике, формализму, аморализму и «безответственности инстинктов».

В этом же году на страницах «Сибирского вестника» в рубрике «Очерки заграничной жизни» появляется оригинальное обозрение томского критика, подписавшегося инициалами «К. В-ков» [12. С. 3]. Оно посвящено сразу нескольким темам. В первую очередь автор дает читателю общее представление о состоянии современной французской литературы, подробно рассматривая причины «порчи стиля» у молодых писателей, далее он представляет небольшие заметки о П. Бурже, Э. Золя, Э. Ренане и И. Тэне.

По мнению томского критика, в современной французской литературе царит анархия – эпидемия писательства охватила массу молодежи, в результате чего появилось множество бездарных и «вымученных» произведений. Рассуждая о сложившейся ситуации, он апеллирует к статье французского критика А. Албала (A. Albalat, 1856–1935) о современной французской литературе, опубликованной в мартовском номере журнала «Nouvelle Revue» за 1893 г. В ней как о главной проблеме молодых писателей говорится об «умственной распушенности и упадке эстетического чувства». По словам томского критика, именно Ш. Бодлер распространил особую напыщенность и болезненную изысканность стиля, стремясь перенять который, современные писатели создают нечто «крайне причудливое».

«К. В-ков» также отмечает, что помимо влияния Ш. Бодлера порча стиля во французской литературе произошла из-за изменения характера писателей и читающей публики – пессимизм и мрачное настроение европейского общества отчасти объясняются политическим недовольством, естественным следствием которого является охвативший интеллигенцию невроз. Далее он ссылается на популярную теорию итальянского врача-психолога и криминалиста Ч. Ломброзо, утверждая, что невроз чаще всего встречается у гениальных людей, например у недавней жертвы психоза Г. де Мопассана. Пытаясь объяснить причины возникновения умопомешательства у одаренных личностей, критик приводит цитату из Г. де Мопассана о том, что, утратив вдохновение, многие писатели стремятся выйти за пределы познаваемого и проникнуть в суть неизведанного, тем самым истощая «механизм своей мысли» и становясь жертвами болезни мозга. К числу таких литераторов Г. де Мопассан относит Г. Гейне, Ш. Бодлера, О. Бальзака, Дж. Г. Байрона, А. Мюссе, Ж. Гонкура, существенно выходя за круг своих французских современников.

Еще одной причиной слабоумия, охватившего современных литераторов, томский критик считает желание многих из них легким путем добиться славы и денег. По этой причине писатели подчиняют свое творчество вкусу массового читателя, который требует «порнографии», а, создавая подобного рода «экскрементально-порнографическую» литературу, большая часть ее авторов становятся жертвами своей фантазии и начинают верить в волшебство и магию, описанную ими в собственных произведениях.

Отрицание томской критикой (представленной местной либеральной интеллигенцией) многих явлений современной европейской куль-

туры становится одним из способов утверждения самобытности собственного взгляда на мировые литературные процессы путем выделения «себя» из пространства «киного».

Далее «К. В-ков» обращается к творчеству П. Бурже, стоящего, по его мнению, во главе французского романа наряду с Э. Золя, А. Додэ и Г. де Мопассаном. Он отмечает, что этот автор прославился своими аналитическими произведениями, в которых показал себя замечательным психологом-моралистом: «Ученик» («*Le disciple*», 1889) и «Земля обетованная» («*La Terre Promise*», 1892).

В оценке творчества П. Бурже «К. В-ков» идет вслед за общероссийской критикой: популярность писателя в России конца XIX в. была настолько велика, что русские литературные журналы нередко приравнивали славу П. Бурже к славе Г. де Мопассана. Так, в «Книжках недели» за 1893 г. историк литературы Л.Ю. Шепелевич признавал П. Бурже и Г. де Мопассана самыми популярными авторами среди плеяды современных французских романистов [13. С. 5–33]. Журнал «Русская мысль» за 1894 г. указывал на одинаковую роль П. Бурже и Г. де Мопассана в привитии французской публике отвращения к натуралистическому роману: П. Бурже «освежил французский роман моральным анализом», а Г. де Мопассан представил «истинно реальный роман без шаржа, с несравнимой ясностью и рельефностью» [14. С. 90].

Совсем по другому поводу упоминалась в статье томского корреспондента и личность Э. Ренана: критику хотелось выяснить, как много зарабатывал известный французский писатель и мыслитель при жизни. По его сведениям, книги приносили Э. Ренану лишь гроши, поскольку он был предан единственному издателю, выпустившему первый сборник его сочинений. По словам «К. В-кова», как профессор и член академии наук Э. Ренан получал очень незначительную по тем временам сумму – всего 6000 рублей в год, поэтому после смерти писателя его жена вынуждена была продать великолепную библиотеку покойного по истории и филологии Востока более чем в 2000 томов. «К. В-ков» высказал предположение, что Э. Ренан по важности поднимаемых им идей займет такое же место в литературе XIX в., какое занял Вольтер в литературе XVIII в.

Конец статьи томский критик посвятил описанию творчества прославленного французского критика и историка литературы И. Тэна, который скончался от «сахарной болезни» за два месяца до выхода в свет данного номера «Сибирского вестника». Томский рецензент не

мог не отметить, какое глубокое влияние оказал И. Тэн на литературу и искусство 1860-х гг. и на поколение, выросшее в годы Второй империи и первые годы Третьей республики во Франции: «Эмиль Золя провозгласил это энергичнее, чем кто-либо, признавая, что отчасти обязан И. Тэну той своей идеей, что всякое существо есть необходимый продукт среды» [12. С. 3]. Замечание это было совершенно справедливым, поскольку идеи позитивизма, утверждаемые и распространяемые И. Тэном, послужили философской основой натурализма.

Таким образом, данная статья представляется одной из самых информативных публикаций о современной французской литературе, опубликованных в томской периодике рубежа XIX–XX вв.

В сентябре 1893 г. в «Сибирском вестнике» в рубрике «Фельетон» было опубликовано обозрение под заголовком «Больны ли мы?», явившееся перепечаткой из французского журнала «*Revue des Revues*» [15. С. 2]. Оригинальная статья принадлежала итальянскому социологу и историку Г. Ферреро (G. Ferrero, 1871–1942) и была посвящена актуальному вопросу о причинах невроза и пессимизма, охвативших европейское общество конца XIX в. Перевод статьи на русский язык выполнил постоянный литературный корреспондент «Сибирского вестника» Петр Львович Черневич, чью начитанность и обширную эрудицию отмечали современники [16. Стб. 485]. Уроженец Саратова, он начал сотрудничать в газете с 1891 г., публикуя статьи по вопросам науки, искусства и литературной критики.

Выбор темы для публикации на страницах томской газеты был обусловлен злободневностью поднимавшегося в статье вопроса, постоянно обсуждавшегося в европейской печати и вызывавшего интерес как в российском, так и в томском обществе. Ее автор, Г. Ферреро, являлся одним из учеников и последователей Ч. Ломброзо (чье имя уже было известно томским читателям), а также родственником своего учителя, поскольку женился на его дочери.

Статья Г. Ферреро начиналась с вопроса о том, не является ли весь мир громадной больницей и не стремятся ли все люди попасть в сумасшедший дом, ведь все вокруг – романисты, поэты, философы, журналисты и медики – твердят о какой-то страшной болезни, мучившей душу человека эпохи «*fin de siècle*». Г. Ферреро заключает: «Болезнь, вырождение, невроз – вот современная троица, вот модная тема» [15. С. 2]. Эту мысль он пытается развить на примере творчества современных литераторов.

Так, цикл Э. Золя «Ругон-Маккары» он называет «памятником, воздвигнутым в честь охватившей всех болезни». Братья Гонкур, по его мнению, несколько раз «обращали свои романы в какую-то клинику», в то время как П. Бурже, видя болезненное состояние современного общества, предложил всем «отправиться в монастырь». Э. Ренан и И. Тэн признаны им самыми страшными пессимистами, а искусство Л.Н. Толстого названо в статье «патологической анатомией» всего общества. Ф.М. Достоевский, по мнению Г. Ферреро, рисует целую «эпопею безумия», изображая одних только проституток, эпилептиков, самоубийц и идиотов, пока Г. Ибсен без отдыха «зондирует» бездны порока и глупости.

Г. Ферреро включает в перечень «больных» литераторов двух выдающихся русских классиков, которые, как правило, воспринимались вне рамок декаданса. Он убежден, что отчаяние охватило не только писателей, но и ученых. Самым популярным ученым-пессимистом автор признает Ч. Ломброзо, который приобрел известность именно потому, что научным путем попытался проанализировать причины будоражащего всех невроза. Г. Ферреро полагал, что ученые, литераторы и художники независимо друг от друга создали «памятник вырождению знаменитого *fin de siècle*».

Любопытно, что итальянский социолог расширяет контекст своих примеров ссылкой на русскую литературу: Л.Н. Толстой появляется в этом ряду, по-видимому, в связи с его повестью «Крейцерова соната», вызвавшей острую полемику не только в России, но и в Европе. Что касается Ф.М. Достоевского, то главные герои его основных произведений – от «Преступления и наказания» до «Идиота», «Братьев Карамазовых» или «Бесов» – действительно страдали раздвоением личности и деформацией сознания.

Автор статьи ищет ответа на вопрос, стоит ли признать себя больным, если все вокруг только и делают, что твердят об этом, а затем сам дает ответ на него. Г. Ферреро уверен, что было бы большой ошибкой ставить диагноз по отношению к целой эпохе на основании данных, черпаемых из книг и произведений искусства, поскольку общество в большинстве своем состоит из обычных, не страдающих психическими отклонениями людей. Г. Ферреро объясняет, почему искусство и наука оказывают предпочтение болезненным явлениям жизни. Во-первых, ненормальность и уродство всегда приковывают к себе всеобщее внимание, возбуждая любопытство и пробуждая фантазию. Во-вторых, большая часть писателей, будучи больными, нахо-

дятся в благоприятных условиях для того, чтобы описывать патологические состояния, с которыми они знакомы по личному опыту. Последней же причиной является то, что, изображая ужасы жизни, гениальные личности пытаются тем самым облегчить страдания собственной души. В заключение Г. Ферреро приходит к оптимистичному выводу о том, что пессимизм в науке и искусстве не имеет большого значения для основной массы людей, поскольку на самом деле жизнь ни хороша, ни дурна.

Обозрение, опубликованное на страницах «Сибирского вестника» в октябре 1899 г., представляет собой пересказ статьи французского журналиста Фредерика Лолье (Loliée), посвященной проблемам упадка французской беллетристики и вырождения жанра фельетона [17. С. 2]. Источник публикации остался неизвестным, а корреспондент «Сибирского вестника», который, по-видимому, перевел заметку, скрылся за инициалами «М. П-с».

В обозрении говорится о том, что большинство повестей и романов, опубликованных во французских журналах и газетах, «заклеймены отпечатком заказа и притом чисто фабричного и даже ремесленного исполнения» [17. С. 2]. Французский журналист сетует на то, что писатели-фельетонисты далеко не всегда являются настоящими авторами произведений, появляющихся во французской периодике под их именем. На самом деле авторство многих фельетонов принадлежит не самым благонадежным и порядочным личностям, поэтому современная французская повесть не может служить воспитанию или развитию читателя, а скорее наоборот, «оглуляет» его. При этом он приводит курьезную историю, произошедшую с одним из популярных французских фельетонистов: оставшись без помощника, который долгое время писал за него некий роман под названием «Пьяная кровь», «писатель» был вынужден прочитать первые два тома «своего» произведения, чтобы самостоятельно его завершить.

Все девять представленных публикаций о французской литературе конца XIX в. появились на страницах «Сибирского вестника» в рубрике «Фельетон», поэтому отличались гораздо большей информативностью по сравнению с тремя небольшими заметками, появившимися в рубрике «Среди газет и журналов» этого же издания.

Так, первая заметка, опубликованная в «Сибирском вестнике» за 1899 г., представляет собой перепечатку из московских «Русских ведомостей» и знакомит читателя с соображениями французского поэта С. Прюдома относительно участи женщин в XX в. [18. С. 3].

С. Прюдом уверен, что промышленный прогресс приведет к тому, что социальная роль женщин изменится; выполняя мужскую работу, они будут все более и более походить на мужчин, поэтому женское очарование и красота исчезнут: «Развитие промышленности приведет, таким образом, человечество в XX веке к уничтожению или сведению до минимума эстетического чувства» [18. С. 3].

Во второй заметке, представленной на страницах «Сибирского вестника» за 1900 г. и заимствованной из газеты «Киевлянин», приведен отрывок из статьи французских писателей Поля и Виктора Маргерит под названием «L'art social» («Социальное искусство»). В публикации, посвященной новым явлениям французской литературы, авторы размышляют о появлении новаторской тенденции: молодые писатели начинают освобождаться в своих произведениях «от бесплодного анализа своего «я», от жалких психологических исследований в области вечного адюльтера, от изображения только нравов и даже по преимуществу одних дурных» [19. С. 3].

Кроме того, по мнению братьев Маргерит, современные французские романисты выказывают интерес к общественным вопросам и стараются отображать в своих произведениях социальные движения, передающие дух времени, что указывает на положительные изменения в литературе в целом. В качестве одного из представителей новых веяний называется имя Э. Рода, швейцарского романиста, писавшего на французском языке.

Третья заметка, опубликованная в «Сибирском вестнике» в 1900 г., перепечатана из московской газеты «Новости дня» и представляет собой краткую характеристику «натуризма» [20. С. 4], появившегося во французской литературе. Главой этого течения назван молодой талантливый писатель Сен-Жорж де Буэльье (Bouhélière), который провозгласил, что натурализм возник в противовес мрачному символизму как реакция против культа всего нереального и искусственного. С.-Ж. де Буэльье утверждает, что поэты-натуристы описывают красоту природы и реальной жизни, и определяет натурализм как опозитизированную форму натурализма.

Интересно, что данная заметка попала на страницы сибирской периодики, поскольку литературное течение, описанное в статье, не получило широкого развития даже в самой Франции. Известно, что С.-Ж. де Буэльье был хорошо знаком с Э. Золя и в целом разделял его натуралистическую концепцию, помимо этого, в 1897 г. он совместно с писателем Морисом ле Блоном (Blond) организовал журнал «La Re-

vue naturaliste», просуществовавшего недолго. Вообще, конец XX в. можно охарактеризовать как переломный период для французской поэзии или как время появления множества литературных направлений и школ, среди которых возникло и кратковременное движение натуразма.

С 1900 г. «Сибирский вестник» перестает публиковать статьи о французской литературе, эту функцию берет на себя «Сибирская жизнь», на страницах которой появляются всего три публикации, две из которых касаются творчества Ш. Бодлера. Необходимо отметить, что после смерти поэта (1867), считавшегося одним из провозвестников декаданса и символизма, прошло уже достаточно времени, чтобы можно было осмыслить его вклад в искусство объективно и непредвзято.

В 1903 г. на страницах «Сибирской жизни» в рубрике «Библиография» появляется небольшая рецензия на публикацию «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера в переводе А. Александровича (А.А. Булгаков) [21. С. 3]. Анонимный автор заметки не указывает ни место, ни время появления сборника. Известно, что «Маленькие поэмы в прозе» были впервые изданы в Москве в 1902 г. В рецензии содержится характеристика Ш. Бодлера. Томский автор особо подчеркивает, что читатель, знакомый с творчеством французского поэта, несомненно, уже успел полюбить «этого чуткого и глубокого знатока больших сторон человеческой души, этого своеобразного и неподражаемого художника» и поэтому будет рад появлению маленьких поэм в прозе на русском языке. Кроме того, по его словам, русскому переводчику удалось передать своеобразие «художественной физиономии» Ш. Бодлера.

Семь лет спустя на страницах «Сибирской жизни» за 1910 г. появляется литературно-критический цикл обзоров о Ш. Бодлере под названием «Заметки о модернизме», авторство которого принадлежит томской журналистке А.С. Качоровской. Цикл представляет собой ее размышления о стиле и содержании поэзии Ш. Бодлера и состоит из двух обзоров, опубликованных в разных номерах газеты.

В первом обзоре А.С. Качоровская профессионально рассуждает о такой характеристике стихотворений Ш. Бодлера, как музыкальность и ритмичность: «Язык Бодлера создает не только фон, рельеф и внутреннюю глубину образов, но обнажает и Ритм с его тишиной» [22. С. 3]. Свои выводы о схожести функции ритма в музыке и поэзии она подкрепляет примерами из стихотворений поэта, во-

шедших в сборник «Цветы зла» («Les Fleurs du mal», 1857–1868). Русский переводчик остается при этом неизвестным.

Во втором обзоре, продолжая цитировать стихотворения из «Цветов зла», А.С. Качоровская доказывает, что Ш. Бодлер рассматривает вещественные явления как символ психокосмических сил. На этот раз она указывает имя переводчика каждого из анализируемых ею стихотворений. Она цитирует Ш. Бодлера либо в переводе революционера-народовольца П.Ф. Якубовича (скрывшего свое имя под псевдонимом «Мельшин»), либо в переводе поэта и теоретика символизма Л.Л. Кобылинского (известного под псевдонимом «Эллис») [23. С. 2]. В итоге А.С. Качоровская приходит к выводу, что стиль и содержание поэзии Ш. Бодлера являются характерными чертами литературы «направления модерн». Рассмотрение теоретических основ стихосложения, глубокий и вполне профессиональный анализ, рассчитанный на подготовленного читателя, свидетельствуют не только о возросшем уровне сибирской литературной критики, но и о качественно изменившемся уровне томской читающей публики.

Последняя заметка о французской литературе рубежа XIX–XX вв. появляется на страницах «Сибирской жизни» 1912 г. в рубрике «Библиография» [24. С. 4]. В ней сообщается о публикации сборника стихотворений П. Верлена в переводе В. Брюсова, вышедшего в московском книгоиздательстве «Скорпион» в 1911 г. Рецензия принадлежит перу молодого томского критика И.А. Иванова и выражает его достаточно критичное мнение об уровне перевода В.Я. Брюсова. И.А. Иванов утверждает: «Свободно обращаться со смыслом стихов П. Верлена можно не разрешить даже и Брюсову» [24. С. 4]. В подтверждение своей мысли он приводит строки из оригинального стихотворения Верлена и перевода, сетуя на то, что русский поэт неверно передает значение некоторых французских слов. Стихи Верлена в большей мере, чем произведения кого-либо из его современников, отличала необычайная музыкальность, о чем поэт заявил в своем программном стихотворении «Искусство поэзии»: «О музыке на первом месте!» («Art poétique»: «De la musique avant toute chose!», 1874). Кроме того, им свойственны сложная образность, своеобразный музыкально-живописный стиль. Именно поэтому при переводе на иностранный язык было очень трудно, а иногда и просто невозможно полноценно передать одновременно форму и содержание символистской поэзии и звукописи.

Необходимо отметить, что политика томских газет в отношении заимствованных текстов носила принципиальный характер: критики знакомили читателей только с теми публикациями, которые позволяли им наиболее убедительно обосновать собственную идеологическую позицию, очень часто отличавшуюся от точки зрения авторов оригинального материала.

Это наблюдение в равной степени правомерно и относительно английского текста в томской периодике конца XIX – начала XX в. В.Н. Горенинцева, опираясь на данные фронтального просмотра томских газет конца XIX – начала XX в., пришла к выводу, что томская критика воспринимала символизм и декаданс как недостойное искусство. Причин подобного отношения было несколько: преобладание демократически настроенного читателя, восприятие новейших течений как продукта рафинированной культуры центра и, наконец, сложность самого литературного явления, к которому даже столичные критики подходили с осторожностью [25. С. 98].

Таким образом, критическая рецепция французской литературы на страницах томской периодики конца XIX – начала XX в. сосредоточена в первую очередь на современных авторах (Э. Золя, Г. Де Мопассане, А. Франсе, А. Доде, П. Бурже и Ш. Бодлере), при этом тип восприятия и критической интерпретации современных течений французской словесности является диалектичным. В 1890-е гг. в оригинальных статьях томских критиков и перепечатках из центральной и зарубежной периодики наблюдается стратегия неприятия творчества символистов эпохи «fin de siècle» в лице П. Верлена, Ж. Мореаса и Ш. Бодлера (статьи «К. В-кова» и «И.Д.»); в 1910-х гг. наряду со стратегией отрицания модернистского искусства обнаруживается тенденция к активному освоению новейших веяний французской литературы (цикл обзоров А.С. Качоровской о поэзии Ш. Бодлера).

В целом появление теоретически значимых публикаций на страницах местных газет свидетельствует о высоких темпах развития томской литературно-критической мысли конца XIX – начала XX в. Публикация как заимствованных, так и оригинальных материалов о современной французской литературе становится способом развития сибирского регионального самосознания.

Литература

1. *Фауст*. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1888. № 25 (26 февраля). С. 2.

2. Кудрин Н.Е. Галерея современных французских знаменитостей. П. Бурже // Русское богатство. 1904. № 3 (март). С. 115.
3. Ачкасов П.Б. Письма о литературе. Поль Бурже // Русский вестник. 1895. Т. 239 (август). С. 254.
4. Фауст. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1888. № 77 (4 ноября). С. 1.
5. Леметр Ж. Поль Бурже // Современные писатели. СПб., 1891. С. 50.
6. Всеволод Сиб-ский [В.А. Долгоруков]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1891. № 79 (14 июля). С. 3.
7. Кафанова О.Б. «Сибирский текст» В.А. Долгорукова // Н.П. Анциферов. Филология прошлого и будущего : по материалам международной научной конференции «Первые Московские Анциферовские чтения», 25–27 сентября 2012 г. М., 2012. С. 421–425.
8. И.Д. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 4 (8 января). С. 2.
9. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 13 (29 января). С. 2.
10. И.Д. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 30 (12 марта). С. 1.
11. Михайловский Н.К. Декаденты, символисты, маги и проч. // Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1909. Т. 7. Стб. 512–520.
12. К. В-ков. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 44 (21 апреля). С. 3.
13. Шепелевич Л.Ю. Романист-психолог. Поль Бурже // Книжки недели. 1893. № 8 (август). С. 5–33.
14. С.Л. Поль Бурже // Русская мысль. 1894. кн. 9 (сентябрь). С. 90.
15. Чернч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 107 (14 сентября). С. 2.
16. Черневич П.Л. // Томский некрополь : списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах, 1827–1939. Томск, 2001. С. 72. Ст. 485.
17. М. П-с. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1899. № 222 (12 октября). С. 2.
18. Среди газет и журналов // Сибирский вестник. 1899. № 49 (4 марта). С. 3.
19. Среди газет и журналов // Сибирский вестник. 1900. № 117 (1 июня). С. 3.
20. Среди газет и журналов // Сибирский вестник. 1900. № 257 (24 ноября). С. 4.
21. Библиография // Сибирская жизнь. 1903. № 99 (9 мая). С. 3
22. Качоровская А.С. Литературные очерки // Сибирская жизнь. 1910. № 187 (24 августа). С. 3.
23. Качоровская А.С. Литературные очерки // Сибирская жизнь. 1910. № 190 (27 августа). С. 2.
24. Иванов И.А. Библиография // Сибирская жизнь. 1912. № 51 (3 марта). С. 4.
25. Горенищева В.Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. С. 98.

FRENCH LITERATURE IN THE CRITICAL RECEPTION OF TOMSK PERIODICALS IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (A CASE STUDY OF SIBIRSKY VESTNIK AND SIBIRSKAYA ZHIZN)

Imagology and Comparative Studies, 2015, 2(4), pp. 158–177. DOI: 10.17223/24099554/4/9

Rodchenko Yuliya I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rodyuliya@mail.ru

Keywords: Tomsk periodicals, critical reception, review, fin de siècle, symbolism, decadence.

The article analyses the critical reception of French literature in the original and translated reviews published by Tomsk journalists in the local newspapers in the late 19th – early 20th centuries. French literature as a synthesis of modern complex philosophical and aesthetic tendencies (decadence, symbolism, impressionism, naturalism) encourages critics to discuss and analyze these mainstream movements.

The articles about French literature in Tomsk newspapers appear in different genres and rubrics. The leading genre of literary criticism is a review presented by its three main types – information, thematic, and feuilletonistic.

The translation from an Italian sociologist G. Ferrero can serve as a model of the information review introducing foreign journalism to the local readers. The article was published in *Sibirsky Vestnik* (1893). It analyzed an urgent question of neurosis and pessimism that engulfed the European society in the late 19th century.

Three publications in *Sibirsky Vestnik* (1893) provide an example of a thematic review. They introduce the reader to the works of the Symbolists such as P. Verlaine, S. Mallarmé, J. Moréas, and A. Rimbaud. New trends in French literature are presented as a phenomenon directly determined by the changes in the public consciousness.

The series of articles entitled “Literary essays” and published in *Sibirskaya Zhizn* (1910) can serve as an example of a feuilletonistic review. In these essays Tomsk journalist A.S. Kachorovskaya gives a professional analysis of the style and content of C. Baudelaire’s poetry.

The critical reception of French literature in Tomsk periodicals in the late 19th – early 20th centuries focuses primarily on contemporary writers such as É. Zola, G. de Maupassant, A. France, A. Daudet, P. Bourget, and C. Baudelaire. The type of reception and critical interpretation of the modern trends in French literature is dialectical. In the 1890s Tomsk critics tend to deny the literature of fin de siècle exalted by the Symbolists, and in the 1910s, still denying the modernist art, local journalists start to perceive extensively the latest trends of French literature.

In general, publication of the theoretically significant articles in local newspapers demonstrates high rate of development of Tomsk literary and critical thought in the late 19th – early 20th centuries.

References

1. Faust. (1888) Fel’eton “Sibirskogo vestnika” [Feuilleton of Sibirsky Vestnik]. *Sibirsky vestnik*. 26th February. p. 2.
2. Kudrin, N.E. (1904) Galereya sovremennykh frantsuzskikh znamenitostey. P. Burzhe [The gallery of contemporary French celebrities. P. Bourget]. *Russkoe bogatstvo*. 3. pp. 115.
3. Achkasov, P.B. (1895) Pis'ma o literature. Pol' Burzhe [Letters about literature. Paul Bourget]. *Russky vestnik*. 239. p. 254.
4. Faust. (1888) Fel’eton “Sibirskogo vestnika” [Feuilleton of Sibirsky Vestnik]. *Sibirsky vestnik*. 4th November. p. 1.
5. Lemaitre, J. (1891) *Sovremennye pisateli* [Contemporary Writers]. Translated from French. St. Petersburg. p. 50.

6. Vsevolod Sib-skiy [V.A. Dolgorukov]. (1891) Fel'eton "Sibirskogo vestnika" [Feuilleton of Sibirsky Vestnik]. *Sibirsky vestnik*. 14th July. p. 3.
7. Kafanova, O.B. (2012) [The Siberian text of V.A. Dolgorukov]. *N.P. Antsiferov: Filologiya proshlogo i budushchego* [Philology of the past and the future]. Proc. of the International Research Conference. Moscow. 25th to 27th September 2012). pp. 421–425. (In Russian).
8. I.D. (1893a) Fel'eton "Sibirskogo vestnika" [Feuilleton of Sibirsky Vestnik]. *Sibirsky vestnik*. 8th January. p. 2.
9. Anon. (1893) Fel'eton "Sibirskogo vestnika" [Feuilleton of Sibirsky Vestnik]. *Sibirsky vestnik*. 29th January. p. 2.
10. I.D. (1893b) Fel'eton "Sibirskogo vestnika" [Feuilleton of Sibirsky Vestnik]. *Sibirsky vestnik*. 12th March. p. 1.
11. Mikhaylovskiy, N.K. (1909) *Polnoe sobranie sochieniy: v 10 t.* [Complete Works. In 10 vols.]. Vol. 7. St. Petersburg. Col. 512–520.
12. K. V-kov. (1893) Fel'eton "Sibirskogo vestnika" [Feuilleton of Sibirsky Vestnik]. *Sibirsky vestnik*. 21st April. p. 3.
13. Shepelevich, L.Yu. (1893) Romanist-psikholog. Pol' Burzhe [The novelist and psychologist. Paul Bourget]. *Knizhki nedeli*. 8. pp. 5–33.
14. S.L. (1894) Pol' Burzhe [Paul Bourget]. *Russkaya mysl'*. 9. p. 90.
15. Chernch. [P.L. Chernevich]. (1893) Fel'eton "Sibirskogo vestnika" [Feuilleton of Sibirsky Vestnik]. *Sibirsky vestnik*. 14th September. p. 2.
16. Anon. (2001) Chernevich P.L. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Tomskiy nekropol' : spiski i nekrologi pogrebennykh na starykh tomskikh kladbishchakh, 1827–1939* [Tomsk Necropolis: Lists and Obituaries of Those Buried in the Old Cemetery of Tomsk, 1827–1939]. Tomsk: Tomsk State University. p. 72. Col. 485.
17. M. P-s. (1899) Fel'eton "Sibirskogo vestnika" [Feuilleton of Sibirsky Vestnik]. *Sibirsky vestnik*. 12th October. p. 2.
18. Anon. (1899) Sredi gazet i zhurnalov [From newspapers and magazines]. *Sibirsky vestnik*. 4th March. p. 3.
19. Anon. (1900a) Sredi gazet i zhurnalov [From newspapers and magazines]. *Sibirsky vestnik*. 1st June. p. 3.
20. Anon. (1900b) Sredi gazet i zhurnalov [From newspapers and magazines]. *Sibirsky vestnik*. 24th November. p. 4.
21. Anon. (1903) Bibliografiya [Bibliography]. *Sibirskaya zhizn'*. 9th May. p. 3
22. Kachorovskaya, A.S. (1910a) Literaturnye ocherki [Literary essays]. *Sibirskaya zhizn'*. 24th August. p. 3.
23. Kachorovskaya, A.S. (1910b) Literaturnye ocherki [Literary essays]. *Sibirskaya zhizn'*. 27th August. p. 2.
24. Ivanov, I.A. (1912) Bibliografiya [Bibliography]. *Sibirskaya zhizn'*. 3rd March. p. 4.
25. Gorenintseva, V.N. (2009) *Retsepsiya angliyskoy i amerikanskoy literatury v tom-skoj periodike kontsa XIX – nachala XX vv.* [Reception of English and American literature in Tomsk periodicals of the late 19th – early 20th centuries]. Philology Cand. Diss. Tomsk: Tomsk State University. p. 98.